

лексичному рівні вживаються відмінні мовні засоби, в той час як на стилістичному використовуються однакові – порівняння, метафори, фразеологізми. Це дозволяє зробити висновок, що концепт *МОРАЛЬНІСТЬ*, виражений за допомогою однакових лексико-стилістичних засобів, на лексичному рівні може вербалізуватися у формі різних слів з позитивною конотацією та значеннями «етики» і «моралі» у їх семантиці.

Інтерес для **подальшого дослідження** представляє порівняльний аналіз лексико-стилістичних засобів вербалізації концепту *АМОРАЛЬНІСТЬ* в текстах сучасної художньої літератури і ток-шоу.

Література

- Бацевич Ф. С. Основи комунікативної лінгвістики / Ф. С. Бацевич. – К. : Академія, 2004. – 344 с.
- Гайдай Г. А. Роль лексико-семантичного поля у відтворенні мовних картин світу / Г. А. Гайдай // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского // Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». – 2012. – Том 24(65). – №1-2. – С. 291-296.
- Дідух Х. І. Ідіостиль як відображення авторської картини світу. – [Електронний ресурс] / Х. І. Дідух. – Режим доступу : http://www.rusnauka.com/15_NNM_2012/Philologia/2_11114.doc.htm
- Довгань О. В. Концептуалізація як фактор інтерпретації художнього тексту та збереження його стилю у процесі перекладу / О. В. Довгань // Дослідження з лексикології і граматики української мови. – 2010. – Вип. 9. – С. 57-66.
- Лефтерова О. М. Фонова інформацій як стилеутворююча категорія та її роль у структурі авторського тексту. – [Електронний ресурс] / О. М. Лефтерова. – Режим доступу : http://www.philolog.univ.kiev.ua/library/zagal/Studia_Linguistica_6_1/275_283.pdf
- Лисиченко Л. А. Структура мовної картини світу / Л. А. Лисиченко // Мовознавство. – 2004. – № 5-6. – С. 36-41.
- Свиридецька І. В. Алюзія як стилістичний засіб реалізації авторської інтенції. – [Електронний ресурс] / І. В. Свиридецька. – Режим доступу : http://www.rusnauka.com/6_PNI_2012/Philologia/2_101350.doc.htm
- Словник української мови : в 11 томах / [А. П. Білоштан, М. Ф. Бойко, В. П. Градова, Г. М. Колесник, О. П. Петровська, Л. А. Юрчук]. – 1971. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://sum.in.ua/>
- Терещенко К. В. Мовне втілення концептуальної картини світу / К. В. Терещенко // Перекладацькі інновації : матеріали II Всеукраїнської студентської науково-практичної конференції, Суми, 15-16 березня 2012 р. / Ред. кол. : С. О. Швачко, І. К. Кобякова, О. О. Жулавська та ін. – Суми : СумДУ, 2012. – С. 27-30.
- Теслюк Н. А. Мовна картина світу як спосіб відображення реальності у свідомості людини [Електронний ресурс] / Н. А. Теслюк. – Режим доступу : http://www.rusnauka.com/32_PRNT_2013/Philologia/9_148793.doc.htm
- Хорошун О. О. Мовна та концептуальна картини світу в дослідженнях сучасної лінгвістичної науки / О. О. Хорошун // Глухівські читання : матеріали міжнародної науково-практичної конференції молодих учених та студентів. – 2011. – С. 241-246.
- Ferrante E. The Story of the Lost Child [Електронний ресурс] / Elena Ferrante. – Режим доступу : www.rulit.me/books/the-story-of-the-lost-child-download-free-409466.html
- Galperin I. R. Stylistics / I. R. Galperin; ed. L. R. Todd. – 3-е изд. – М. : Высшая школа, 1981. – 334 р.
- IAP – Interview With Al Pacino. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://edition.cnn.com/TRANSCRIPTS/1012/06/lkl.01.html>
- RFL – Remarks by the First Lady and Oprah Winfrey in a Conversation at the United State of Women Summit. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/06/14/remarks-first-lady-and-oprah-winfrey-conversation-united-state-women>

УДК: 811. 161 + 81-11

КОЧ Н. В

(Николаевский национальный университет им. В. А. Сухомлинского)

КОММУНИКАЦІЯ АНТИПОВЕДЕННЯ В ЛІНГВОКУЛЬТУРЕ КИЄВСЬКОЇ РУСИ

В статті на матеріалі «Словаря древнерусского языка XI-XIV вв.» аналізується семантичний потенціал лексем з корнями *правд-* і *льжж-*. Парадигму християнського антиповедіння структурують власне поведінка і мовленнєва моделі, що експліцитно представлені мовними засобами релігійних і світських дискурсів. Контекстуальний аналіз ключових номінацій відповідних концептів та їхніх словотвірних інновацій надає підставу для уточнення семантичного обсягу терміну «антиповедіння».

Ключевые слова: комунікація антиповедіння, модель речевого антиповедіння, неправда, ложь.

Коч Н. В. Комунікація антиповедінки в лінгвокультурі Київської Русі. У статті на матеріалі «Словника давньоруської мови XI-XIV ст.», аналізується семантичний потенціал лексем з корнями *правд-* і *льжж-*. Парадигму християнської антиповедінки структурують власне поведінка та мовленнєва моделі, що експліцитно представлені мовними засобами релігійних і світських дискурсів. Контекстуальний аналіз ключових номінацій відповідних концептів та їхніх словотвірних інновацій надає підставу для уточнення семантичного обсягу терміну «антиповедінка».

Ключові слова: комунікація антиповедінки, модель мовленнєвої антиповедінки, неправда, брехня.

Koch N. V. Communication of Antibehavior in Lingvoculture of Kyiv Rus. The semantic potential of lexemes with the roots of *pravd-* and *lzh-* on material of "Dictionary of the Old Russian language of XI-XIV century" is analyzed. The paradigm of Christian antibehavior is constructed by behavior and speech models exactly, which are explicitly presented by language means of religious and society discourses. The contextual analysis of key nominations corresponding to the models and their word formation innovations gives founding for clarification of semantic volume of the term "antibehavior".

Keywords: communication of antibehavior, model of speech antibehavior, untruth, false.

Становление термина «антиповедение» как понятия культурологического и семиотического происходит в 70-80-х годах прошлого столетия благодаря трудам Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского [Лотман 1977; Успенский 1994]. Немаловажную роль в толковании соответствующего феномена сыграли исследования «перевернутого поведения» в контексте смеховой культуры Древней Руси [Лихачев 1976; Панченко 1984], изыскания, посвященные категории безобразного в культуре европейского средневековья [Гуревич 1972] и обрядово-символического языка народных карнавалов [Бахтин 1990].

Так, карнавализация (термин М. М. Бахтина) как основное условие осуществления антиповедения последовательно отражена в памятниках восточнославянской письменности XI-XIV вв. Изучение функционирования словесных формул особого языка антикоммуникации, коррелирующих с бинарностями «верх – низ» и «правый – левый» как основными маркерами оппозиции «норма – аномалия», представляет интерес для диахронической когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, коммуникативной лингвистики, лингвоконцептологии и многих других гуманитарных направлений современной науки. Этот интерес обусловил выбор темы нашего исследования, **объектом** которого являются лингвокультурные модели антиповедения эпохи Киевской Руси, **предметом** – языковые средства выражения таких моделей. **Цель** статьи – анализ семантического потенциала лексем с корнями *правд-* и *лжж-* как ключевых репрезентантов коммуникации антиповедения – предполагает решение ряда задач на материале «Словаря древнерусского языка XI-XIV вв.»

Описание «перевернутого» поведения широко представлено в памятниках письменности, поэтому контекстуальный анализ ключевых номинаций соответствующих концептов (в нашем исследовании – НЕПРАВДА и ЛОЖЬ), вербализующих модель ненормированного поведения в контексте средневековой культуры Киевской Руси, позволяет, с нашей точки зрения, уточнить семантический объем термина «антиповедение».

В исследовании Б. А. Успенского «Антиповедение в культуре Древней Руси» четко определены характерные особенности и формы репрезентации антиповедения древнерусского человека: «Антиповедение, т. е. обратное, перевернутое, опрокинутое поведение – иными словами, поведение наоборот, – исключительно характерно для культуры Древней Руси, как и вообще для иерархической и средневековой культуры. В своих конкретных проявлениях антиповедение может обнаруживать сколь угодно большое разнообразие, но всякий раз оно сводится к реализации одной общей модели: это именно поведение наоборот, т. е. замена тех или иных регламентированных норм на их противоположность; характер такого противопоставления заранее не определен, и, соответственно, антиповедение может обуславливать мену правого и левого, верха и низа, переднего и заднего, лицевого и изнаночного, мужского и женского и т. д. и т. п.» [Успенский 1994, с. 320]. По мнению Б. А. Успенского, три формы антиповедения – сакральная, символическая и дидактическая – направлены, прежде всего, на нарушение нормы (общепринятого).

Анализируя концепцию Б. А. Успенского, С. Е. Юрков акцентирует внимание на таких характеристиках антиповедения, как деструктивизм, демонстративность, сверхзнаковость и архетипичность, и предлагает свое определение понятия: «Антиповедение»: это есть такая форма намеренного и сознательного отклонения от общепринятой или предписываемой (рекомендуемой властными идеологическими кругами) нормы поведения, которая содержит (в большей или меньшей степени) интенцию на дестабилизацию сложившегося культурно-

соціального порядку (в предельном случае – на разрушение всей его структуры (т. е. системы норм)).

Антиповедение всегда творится публично, рассчитано на общественный резонанс, внешнюю реакцию, в чем проявляется его ролевая (театрализованная) субстанциальность. Будучи связанным с публичностью, оно обладает сверхзнаковой природой, требующей дополнительных усилий дешифровки. Итак, общие характерологические черты антиповедения таковы: антиповедение в своем культурно-историческом происхождении имеет сакрально-обрядовые корни; – побудительными причинами воспроизводства антиповедения выступают причины культурологического (а не патологического) плана; – антиповедение театрализовано и сверхзнаково; – антиповедение ... пользуется своими «архетипами» [Юрков 2003].

Памятники письменности периода государственности Киевской Руси, представленные в основном конфессиональными жанрами и законодательными документами, отражают особенности религиозного и социального сознания, смоделированного в соответствии с общепринятыми установками. В статье «Homo Ludens в древнерусской лингвокультуре (попытка «предварительного понимания» концепта ИГРА)» нами рассмотрен один из видов дидактического (в терминологии Б. А. Успенского) антиповедения – юродствование [Коч 2012, с. 87-94]. В исследовании проанализированы презентации одного из фреймов концепта ИГРА – «человек играющий». Поведение древнерусского юродивого интерпретируется как игровая модель, имеющая специфическое вербальное и невербальное выражение.

Алогичный, парадоксальный язык юродивого похож со стороны на несвязную речь сумасшедшего или пьяного, а иногда напоминает детский лепет (ср.: *И я сказал: господи! Я, как дитя, не умею говорить. Но господь сказал мне: не говори «я дитя», иди, куда я пошлю, и говори все, что прикажу* (Иер I: 6). Юродствующая «заумь» – сакральный код, с помощью которого праведник (тот, кто говорит истинную правду) общается с грешной толпой: *Тем же невегласи, якоже древле пременение языкъ пьянствомъ мнеху, тако и сде о славнемъ семь помышляху* (Жит АЮр XIV в.).

Особое место в таком языке занимает толкование правды (истины, справедливости) и неправды (лжи) как дихотомических понятий [Коч 2013]. В культурном дискурсе данные концепты представлены, как правило, конфронтующими оппозициями «верх – низ», «правый – левый», «центральный – периферийный»: *Иже бо, – рече, – Христос, – мякъкая носятъ, си в домех царскихъ суть», – но суть целомудриемъ оболчены и правдою опоясаны, смиреннемъ украшены* (КТур XII в.). «Перевернутость» полюсов сигнализирует об отступлении от поведенческой нормы: *...обрати бо ся болезнь его на главу его. и на верхъ его. неправда его сниде* (ПКП 1406, 1106).

Сферы реализации дихотомических концептов ПРАВДА/НЕПРАВДА, ЛОЖЬ/ИСТИНА в письменной культуре восточных славян определяют сакральный и профанный модусы бытия. Дискурсивная практика истинной проповеди (и правдивого говорения вообще) изначально заложена в базовой модели коммуникативного поведения христианина-праведника: *Ученики его спросили его; они сказали ему: Хочешь ли ты, чтобы мы постились, и как нам молиться, давать милостыню и воздерживаться в пище? Иисус сказал: Не лгите, и то, что вы ненавидите, не делайте этого* (Ев. от Фомы: 6) (ср.: *никому же не лжете* – Изб 1076, 250).

Активное функционирование субстантива *неправда* (ложь, обман) и адъектива *неправьи* (неправильный, ошибочный) соответственно в значениях «несправедливость, беззаконие», «грех», «неправедный, грешный», «неправдивый, лживый», «несправедливый, бесчестный» в текстах религиозно-дидактического и законодательного характера обуславливает формирование концептуальных дихотомий «правда – неправда», «истина – ложь», «справедливость – несправедливость» как культурных констант древнерусского средневековья.

Результаты контекстуального анализа показали, что наряду с использованием слова *неправда* и его дериватов в речевой модели антиповедения (*вздохо(м) рече сугубо неправды ихъ и грехи* (ГБ XIV, 20ба); *и се сведительствова неправдоу въста на брата своего* (КР 1284, 262б),

соответствующее лексико-семантическое поле актуально и в собственно поведенческой модели. *Делать неправду, творить неправду* означает поступать не по законам Божиим, нарушать социальные нормы и правовые законы: *княжо оу томь еси неправду деяль* (Гр ок. 1300 (2, рижск.); *еси створилъ неправду на рабе своемь* (СбТр к. XIV, 197); *неправдоу руки ваши сплетаютъ* (МПр XIV, 167об); *не створите неправды в суде, въ мерилехъ и в ставилехъ* (КР 1284, 258б); *и нача творити неправды обличень бывъ* (ПрЛ XIII, 121в).

Синонимы выше проанализированных слов – лексемы *неправдые* и *неправдныи* (а также: *неправдыникъ, неправдыно, неправдыновати*) – поддерживают «номинативную плотность» (термин В. И. Карасика) концепта НЕПРАВДА и активно моделируют информационное поле концептуальной дихотомии ПРАВДА/НЕПРАВДА(ЛОЖЬ) в сакральном модусе. Трансформации поля в связи с историческими изменениями в лексической системе языка (например, в современных восточнославянских языках номинации *неправда* и *неправедность* являются лишь контекстуальными синонимами, а слова *ложь* и *неправда* утратили семантику сакральности) доказывают мысль о существовании гибких концептуальных структур, выраженных абстрактными именами.

Дискретная целостность таких структур относительна, а поля ключевых концептообразующих номинаций семантически диффузны, что явственно демонстрирует диахронический подход к описанию специфической комбинаторики компонентов концепта. Коммуникативная значимость лексики, выражающей и моделирующей поведение человека в моральной ипостаси изменяется в зависимости от социокультурных условий осуществления концепта и активности его ключевых номинаций в процессе объективации смыслов и актуализации соответствующих им дискурсивным практикам.

Четкая дифференциация векторов неправдивого/неправедного поведения и аналогичного речевого действия выражает семантика глаголов с корнем *лъж-* (*лъжседеиствовати* «действовать обманом», *лъгати* «говорить неправду, исказить»). Характерная особенность формирования соответствующих лексико-семантических полей – явное количественное превосходство слов (преимущественно композит), представляющих речевую модель: *лъженадъписанъ, лъженанписаныи* «неканоничекий, отреченный», *лъженарицаемыи* «ложно возвеличиваемый», *лъжеглаголение* «лживая речь, неправда, ложь», *лъжеименитьи, лъжеименьныи* «ложно именуемый», *лъжепророчество* «ложное пророчество», *лъжеславити* «рассказывать небылицы, лгать», *лъжеславникъ* «тот, кто рассказывает ложь, небылицы», *лъжесъказатель* «ложный толкователь, лжепроповедник», *лъжесловесье* «ложь, клевета; заблужденье, ложное ученье», *лъжесловьсьникъ* «лжеучитель», *лъжесловесьныи* «ложный», *лъжесловие* «ложь, измышление», *лъжесловити* «лгать, измышлять», *лъжесловьнь* «лживый», *лъжесловьць* «лгун, обманщик», *лъжесъведетель* «лжесвидетель», *лъжесъведетельство* «лжесвидетельство», *лъгати на, лъжеклеветати* «наговаривать, клеветать»: *сего не створиохъ но лжють на мя* (Пр 1383, 72в); *и многымъ на зло сведетельствовати и съгласно лъжаклеветати...* (ГА XIII/XIV, 216а); *и лжюцимъ естьственую доброту* (ГБ XIV, 4е); *...боися лъжю глаголати* (Изб 1076, 47) (СлДРЯ IV, с. 438-441).

НЕПРАВДА и ЛОЖЬ как базовые концепты модели антиповедения представлены, как правило, в ряду иных ценностных понятий и соответствующих антиномий, имеющих особый статус на аксиологической шкале православья. Концептуальное пространство неправды поглощает в себя и/или пересекается со многими понятиями информационного поля концептов ГРЕХ, (НЕ)СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ИСТИНА, ЗАКОН и т. п.: *...всегда неправды есмь исполнени и зависти, немилосердыя* (СВл XIII, 14); *безаконья и неправды своимъ доушамъ сдевающе* (ФСт XIV, 229б); *яже есмь съгрешили ово въ пиянстве, ово въ лжи* (ПрЛ XIII, 122а); *велить бо члвкомъ богъ отвреци всякоу неправдоу, гневъ, ярость* (Пр 1383, 105г).

Описание понятийной составляющей концепта через отрицание является продуктивным способом интерпретации смыслов, в том числе скрытых. Толкование неправды (лжи) как греховного деяния принимает наиболее отчетливые формы в контекстах, эксплицитно содержащих противопоставление: *...съкрывающимъ истину в неправде* (ЗЦ, к. XIV в., 23а);

неправду възъненавидех... законъ же твои възлюбих (ЖВИ XIV-XV, 78б); *како възселиться въ мя истина яко лъжами себе испълнить есмь* (СбТр XII/XIII, 60). Такого рода контексты демонстрируют поляризацию ценностных смыслов как основу культуры «на разрыв» (термин Б. А. Успенского).

Выводы. Попытка осмысления феномена неправды (лжи) как базисного концепта парадигмы антиповедения в сакральной и мирской ипостасях предполагает две основные коммуникативные модели – модель невербального поведения (неправдивого/неправедного деяния) и модель речевого поведения (произношения или написания лживых, неистинных слов) (см. выше Евангелие от Фомы: *Не лгите, и то, что вы ненавидите, не делайте этого*). Обе модели широко представлены в памятниках письменности с помощью слов с корнями *(не)правд-* и *лъж-*, коррелирующих с отрицательными полюсами общекультурных диад «верх – низ», «правый – левый», «центральный – периферийный» и т. п.

Синкретичность религии и светской жизни древнего человека обусловила доминирование сакрально-дидактической формы реализации модели как нормированного, так и ненормированного поведения. Причины разрушения отношений в структуре бескомпромиссной дихотомии в процессе развития древнерусской лингвокультуры, кроющиеся в изменении семантики слов и влиянии определенных социокультурных факторов, – **перспектива** дальнейших исследований лингвокультурных моделей коммуникации в различные исторические эпохи.

Литература

- Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.
- Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. — М.: Искусство, 1972. – 318 с.
- Коч Н. В. «Номо Ludens в древнерусской лингвокультуре (попытка «предварительного понимания» концепта ИГРА)» / Н. В. Коч // Новое в когнитивной лингвистике XXI века : сборник научных статей / отв. ред. М. В. Пименова. – Киев : Издательский дом Д. Бураго, 2013. – 496 с. – С. 87-94.
- Коч Н. В. Трансформації інформаційного поля лінгвокультурного концепту «правда» в сучасній медіа-пропаганді / Н. В. Коч // Нова філологія. Збірник наукових праць. – Запоріжжя : ЗНУ, 2014. - № 66. – 269 с. – С. 99-107.
- Лихачев Д. С. «Смеховой мир» Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко. – Л.: Наука, 1976. – 204 с.
- Лотман Ю. М. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Вопросы литературы. – 1977. – № 3. – С. 148-166.
- Панченко А. М. Смех как зрелище / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. В. Поньрко // Смех в Древней Руси. – Л. : Наука, 1984. – С. 72-153.
- Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.) : В 10 т. – М. : Русский язык, т. 4. – 1991. – 559 с.; т. 5. – 2002. – 647 с.; т. 7. – 2004. – 505с.
- Успенский Б. А. Избранные труды. Т.1. Семиотика истории. Семиотика культуры / Б. А. Успенский. – М. : Гнозис, 1994. – С. 320-332.
- Юрков С. Е. Под знаком гротеска : антиповедение в русской культуре (XI-начало XX вв.) / С. Е. Юрков. – СПб. : Лет. сад, 2003. – С. 15-35. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : ec-dejavu.ru/a/Antibehaviour_Jurkov.html.

УДК: 811.111'42-1:159.954

КУЛИШ В. С.

(Сумський державний університет)

ТАКСОНОМІЯ ПЕЙЗАЖНИХ ОБРАЗІВ В АНГЛОМОВНОМУ ХУДОЖНЬОМУ ДИСКУРСІ

Стаття присвячена з'ясуванню сутності таких понять як «образ», «художній образ», «словесно-поетичний образ», визначається поняття «словесно-поетичний образ мовчання», в основі якого лежить поняття природного мовчання (Nature Silence) як елемента комунікації. Встановлено, що феномен природного мовчання реалізується на тлі англomовного художнього дискурсу із залученням природи (Nature) та пейзажних образів, що входять до парадигми пейзажної лірики та представлені субстанціональними природними символами, а саме: Земні (Earthy), Повітряні (Aerial) та Небесні (Celestial). З точки зору дискурсивно-комунікативного підходу до вивчення комунікативного мовчання, саме ці елементи виконують функцію основних комунікантів або продуцентів природного мовчання (Nature Silence).

Ключові слова: образ, художній образ, словесно-поетичний образ мовчання, природні символи, комунікативне мовчання, природне мовчання.

Кулиш В. С. Таксономія пейзажних образів в англоязычному художественном дискурсе. Стаття посвящена дослідженню понять «образ», «художественный образ», словесно-поэтический образ», определяется понятие «словесно-поэтического образа молчания» в основе которого лежит понятие природного молчания (Nature Silence) как элемента